

А. С. Пушкин

Цыганы

Постановки
7 А класс

**Цыганы шумною
толпой
По Бессарабии кочуют.**

**Они сегодня над рекой
В шатрах изодранных
ночуют.**

**Как вольность, весел их
ночлег
И мирный сон под небесами;**

**Между колесами телег,
Полузавешанных
коврами,**

**Горит огонь; семья кругом
Готовит ужин; в чистом
пол**

**Пасутся кони; за шатром
Ручной медведь лежит на
воле;**

**Всё живо посреди
степей:**

Заботы мирные семей

**Готовых с утром в путь
недальний,**

И песни жен и крик детей

И звон походной наковальни.

**Но вот на табор кочевой
Нисходит сонное
молчанье**

**И слышно в тишине степной
Лишь лай собак да коней
ржанье.**

**Огни везде погашены.
Спокойно всё: луна сияет**

**Одна с небесной вышины
И тихий табор озаряет.
В шатре одном старик не
спит;**

**Он перед углями сидит,
Согретый их последним**

**И в поле дальнее глядит
Ночным подернутое
паром.**

**Его молоденькая дочь
Пошла гулять в пустынном
поле.**

**Она привыкла к резвой
воле,
Она придет; но вот уж ночь,**

**И скоро месяц уж
покинет**

Небес далеких облака —

**Земфиры нет как нет; и
стынет**

Убогий ужин старика.

**Но вот она; за нею
сл**

**По степи юноша спешит;
Цыгану вовсе он
неведом.**

Отец мой, — дева говорит,

—

Веду с постылым купаном

**Его в пустыне я нашла
И в табор на ночь
зазвала.**

**Он хочет быть как мы
цыганом;**

Его преследует закон,

Но я ему подружкой буду.

Его зовут Алеко — он

Готов идти за мною всюду

**“
”**

Старик:

**Я рад. Остаься до утра
Под сенью нашего
шатра**

**Или пробудь у нас и доле,
Как ты захочешь. Я готов
С тобой делить и хлеб и
кров.**

**Будь наш — привыкни к нашей
доле,**

**Бродящей бедности и воле —
А завтра с утренней зарей**

**В одной телеге мы поедem;
Примись за промысел
любой:
Железо куй — иль песни
пой**

**Алеко:
Я остаюсь.**

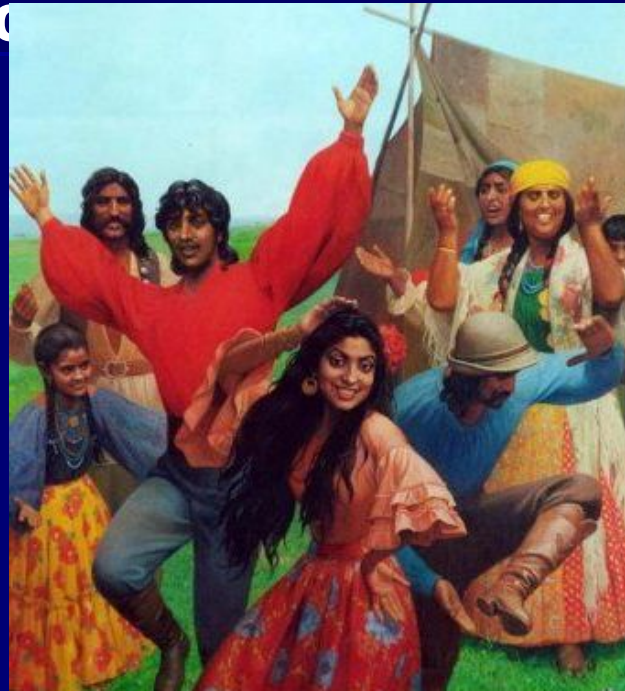
**Земфира:
Он будет мой —
Кто ж от меня его отгонит?
Но поздно... месяц молодой
Зашел; поля покрыты
мглой,
И сон меня невольно
клонит...**

**Светло. Старик тихонько
бродит
Вокруг безмолвного шатра**

**„Вставай, Земфира: солнце
всходит,
Проснись, мой гость! пора, пора!..
Оставьте, дети, ложе неги!..“**

**И с шумом высыпал
народ;
Шатры разобраны; телеги
Гото...**

**Всё вместе тронулось — и вот
Толпа валит в пустых
равнинах.**

**Ослы в перекидных корзинах
Детей играющих несут;**

**Мужья и братья, жены,
девы,
И стар и млад вослед идут;**

**Крик, шум, цыганские
припевы,
Медведя рев, его цепей
Нетерпеливое бряцанье,**

**Лохмотьев ярких
пестрота,
Детей и старцев нагота,**

**Собак и лай и завыванье,
Волынки говор, скрип
телег,**

**Всё скучно, дико, всё
нестройно,
Но всё так живо-неспокойно,**

**Так чуждо мертвых наших нег,
Так чуждо этой жизни
праздной,
Как песнь рабов однообразной!**

**Уныло юноша глядел
На опустелую равнину
И грусти тайную причину
Истолковать себе не смел.
С ним черноокая Земфира,
Теперь он вольный житель
мира,
И солнце весело над ним
Полуденной красою блещет;
Что ж сердце юноши трепещет?
Какой заботой он томим?**

**Птичка божия не знает
Ни заботы, ни труда;
Хлопотливо не свивает
Долговечного гнезда;
В долгу ночь на ветке
дремлет;
Солнце красное взойдет:
Птичка гласу бога внемлет,
Встрепенется и поет.
За весной, красой природы,
Лето знойное пройдет —
И туман и непогоды
Осень поздняя несет:
Людям скучно, людям горе;
Птичка в дальные страны,
В теплый край, за сине море
Улетает до весны.**

**Подобно птичке беззаботной
И он, изгнанник перелетный,
Гнезда надежного не знал
И ни к чему не привыкал.
Ему везде была дорога,
Везде была ночлега сень,
Проснувшись поутру, свой день
Он отдавал на волю бога,
И жизни не могла тревога
Смутить его сердечну лень.
Его порой волшебной славы
Манила дальная звезда;
Нежданно роскошь и забавы
К нему являлись иногда —
Над одинокой головою
И гром нередко грохотал;
Но он беспечно под грозою
И в ведро ясное дремал. —
И жил, не признавая власти
Судьбы коварной и слепой —
Но боже! как играли страсти
Его послушною душой!
С каким волнением кипели
В его измученной груди!
Давно ль, на долго ль
успирели?
Они проснутся: погоди!**

**Земфира:
Скажи, мой друг:
Ты не жалеешь
О том, что бросил на
всегда?**

**Алеко:
Что ж бросил я?
Земфира:
Ты разумеешь:
Людей отчизны,
города.**

**Алеко:
О чем жалеть? Когда б ты
знала,
Когда бы ты воображала
Неволю душных городов!
Там люди, в кучах за оградой,
Не дышат утренней прохладой,
Ни вешним запахом лугов;
Любви стыдятся, мысли гонят,
Торгуют волею своей,
Главы пред идолами клонят
И просят денег да цепей.
Что бросил я? Измен волненье,
Предрассуждений приговор,
Толпы безумное гоненье
Или блистательный позор.**

Земфира:

**Но там огромные палаты,
Там разноцветные ковры,
Там игры, шумные пиры,
Уборы дев там так богаты!..**

Алеко:

**Что шум веселий городских?
Где нет любви, там нет
веселий.**

**А девы... Как ты лучше их
И без нарядов дорогих,
Без жемчугов, без ожерелий!
Не изменись, мой нежный друг,
А я..... одно мое желанье
С тобой делить любовь, досуг
И добровольное изгнанье!**

Старик:

**Ты любишь нас, хоть и рожден
Среди богатого народа.**

**Но не всегда мила свобода
Тому, кто к неге приучен.**

Меж нами есть одно преданье:

Царем когда-то сослан был

**Полудня житель к нам в
изгнанье.**

**(Я прежде знал, но позабыл
Его мудреное прозвание.)**

Он был уже летами стар,

Но млад и жив душой незлобной

**Имел он песен дивный дар
И голос, шуму вод подобный —**

И полюбили все его,

И жил он на берегах Дуная,

Не обижая никого,

Людей рассказами пленяя;

Не разумел он ничего,

И слаб и робок был, как дети;

Чужие люди за него

Зверей и рыб ловили в сети;

Как мерзла быстрая река

И зимни вихри бушевали,

Пушистой кожей покрывали

Они святого старика;

Но он к заботам жизни бедной

Привыкнуть никогда не мог;

Скитался он иссохший, бледный,

Он говорил, что гневный бог

Его карал за преступленье...

Он ждал: придет ли избавленье.

И всё несчастный тосковал,

Бродя по берегам Дуная,

Да горьки слезы проливал,

Свой дальний град вспоминая,

И завещал он умирая,

Чтобы на юг перенесли

Его тоскующие кости,

И смертью — чуждой сей земли

Неуспокоенные гости!

Алеко:
**Так вот судьба твоих сынов,
О Рим, о громкая держава!..
Певец любви, певец богов,
Скажи мне, что такое слава?**

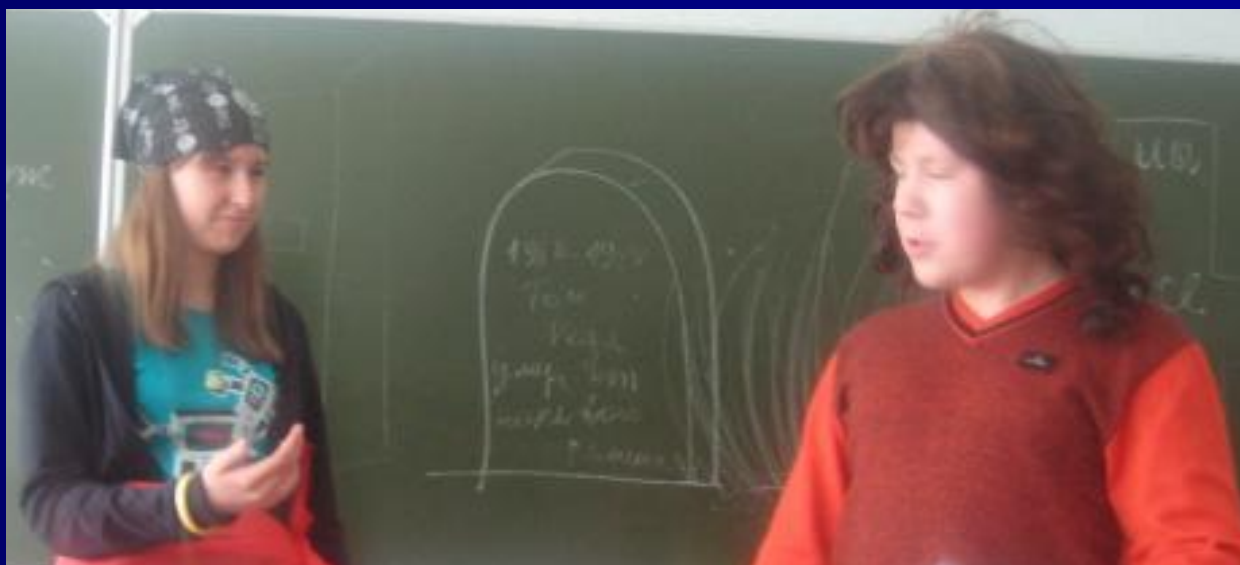

**Могильный гул, хвалебный
глас,
Из рода в роды звук бегущий?
Или под сенью дымной кущи
Цыгана дикого рассказ?**

Прошло два лета. Так же бродят
Цыганы мирною толпой;
Везде по-прежнему находят
Гостеприимство и покой.
Презрев оковы просвещения,
Алеко волен как они;
Он без забот и сожаленья
Ведет кочующие дни.
Всё тот же он; семья всё та же;
Он, прежних лет не помня даже,
К бытию цыганскому привык.
Он любит их ночлегов сени
И упоенье вечной лени
И бедный, звучный их язык.
Медведь — беглец родной
берлоги,
Косматый гость его шатра,
В селеньях, вдоль степной дороги,
Близ молдаванского двора
Перед толпою осторожной
И тяжело пляшет и ревет
И цепь докучную грызет;
На посох опершись дорожный,
Старик лениво в бубны бьет,
Алеко с пеньем зверя водит,
Земфира поселян обходит
И дань их вольную берет.
Настанет ночь; они все трое
Варят нежатое пшено;
Старик уснул;..... и всё в покое,
В шатре и тихо и темно.

**Старик на вешнем солнце
греет
Уж остывающую кровь;
У люльки дочь поет любовь.
Алеко внемлет и бледнеет.
Земфира:
Старый муж, грозный муж,**

**Режь меня, жги меня: Я тверда; не
боюсь**

**Ни ножа, ни огня.
Ненавижу тебя,
Презираю тебя;
Я другого люблю,
Умираю любя.**

Алеко:
Молчи. Мне пенье надоело,
Я диких песен не люблю.

Земфира:
Не любишь? мне какое
дело!

Я песню для себя пою.
Режь меня, жги меня;
Не скажу ничего;
Старый муж, грозный муж,
Не узнаешь его.

Он свежее весны,
Жарче летнего дня;
Как он молод и смел!
Как он любит меня!
Как ласкала его
Я в ночной тишине!
Как смеялись тогда
Мы твоей седине!

Алеко:
Молчи, Земфира! я
доволен...

Земфира:
Так понял песню ты мою?

Алеко:

Земфира!

Земфира:

Ты сердиться волен,
Я песню про тебя пою.

Старик:

**Так, помню, помню — песня
эта**

**Во время наше сложена,
Уже давно в забаву света
Поется меж людей она.**

**Кочуя на степях Кагула,
Ее бывало в зимнюю ночь
Моя певала Мариула,
Перед огнем качая дочь.**

**В уме моем минувши лета
Час от часу темней, темней;
Но заронилась песня эта
Глубоко в памяти моей.**

**Всё тихо; ночь. Луной украшен
Лазурный юга небосклон.
Старик Земфирой пробужден:
„О мой отец! Алеко страшен.
Послушай: сквозь тяжелый сон
И стонет, и рыдает он“.**

**Старик:
Не тронь его. Храни молчанье.
Слышал я русское преданье:
Теперь полуночной порой
У спящего теснит дыханье
Домашний дух; перед зарей
Уходит он. Сиди со мной.**

**Земфира:
Отец мой! шепчет он: Земфира!**

**Старик:
Тебя он ищет и во сне:
Ты для него дороже мира.**

Земфира:

**Его любовь постыла мне.
Мне скучно; сердце воли просит —
Уж я... Но тише! слышишь? он
Другое имя произносит...**

Старик:

Чье имя?

Земфира:

**Слышишь? хриплый стон
И скрежет ярый!... Как ужасно!..
Я разбужу его...**

Старик:

**Напрасно,
Ночного духа не гони —
Уйдет и сам...**

Земфира:

**Он повернулся,
Привстал, зовет меня... проснулся
—**

Иду к нему — прощай, усни.

Алеко:

Где ты была?

Земфира:

С отцом сидела:

Какой-то дух тебя томил;

Во сне душа твоя терпела

Мученья; ты меня страшил:

**Ты, сонный, скрежетал
зубами**

И звал меня.

Алеко:

Мне снилась ты.

Я видел, будто между нами.....

Я видел страшные мечты!

Земфира:

Не верь лукавым сновиденьям.

Алеко:

Ах я не верю ни чему:

**Ни снам, ни сладким
увереньям,**

Ни даже сердцу твоему.

Старик:

**О чем, безумец молодой,
О чем вздыхаешь ты всечасно?
Здесь люди вольны, небо ясно,
И жены славятся красотой.
Не плачь: тоска тебя погубит.**

Алеко:

Отец, она меня не любит.

Старик:

Утешься, друг: она дитя.

Твое унынье безрассудно:

Ты любишь горестно и трудно,

А сердце женское — шутя.

**Взгляни: под отдаленным
сводом**

Гуляет вольная луна;

На всю природу мимоходом

Равно сиянье льет она.

Заглянет в облако любое,

Его так пышно озарит —

И вот — уж перешла в другое;

И то недолго посетит.

Кто место в небе ей укажет,

Примолвя: там остановись.

Кто сердцу юной девы скажет:

Люби одно, не изменись.

Утешься.

**Алеко:
Как она любила!
Как нежно преклонясь ко
мне
Она в пустынной тишине
Часы ночные проводила! —
Веселья детского полна,
Как часто милым
лепетаньем
Иль упоительным
лобзаньем
Мою задумчивость она
В минуту разогнать умела!...
И что ж? Земфира неверна?
Моя Земфира охладела!...**

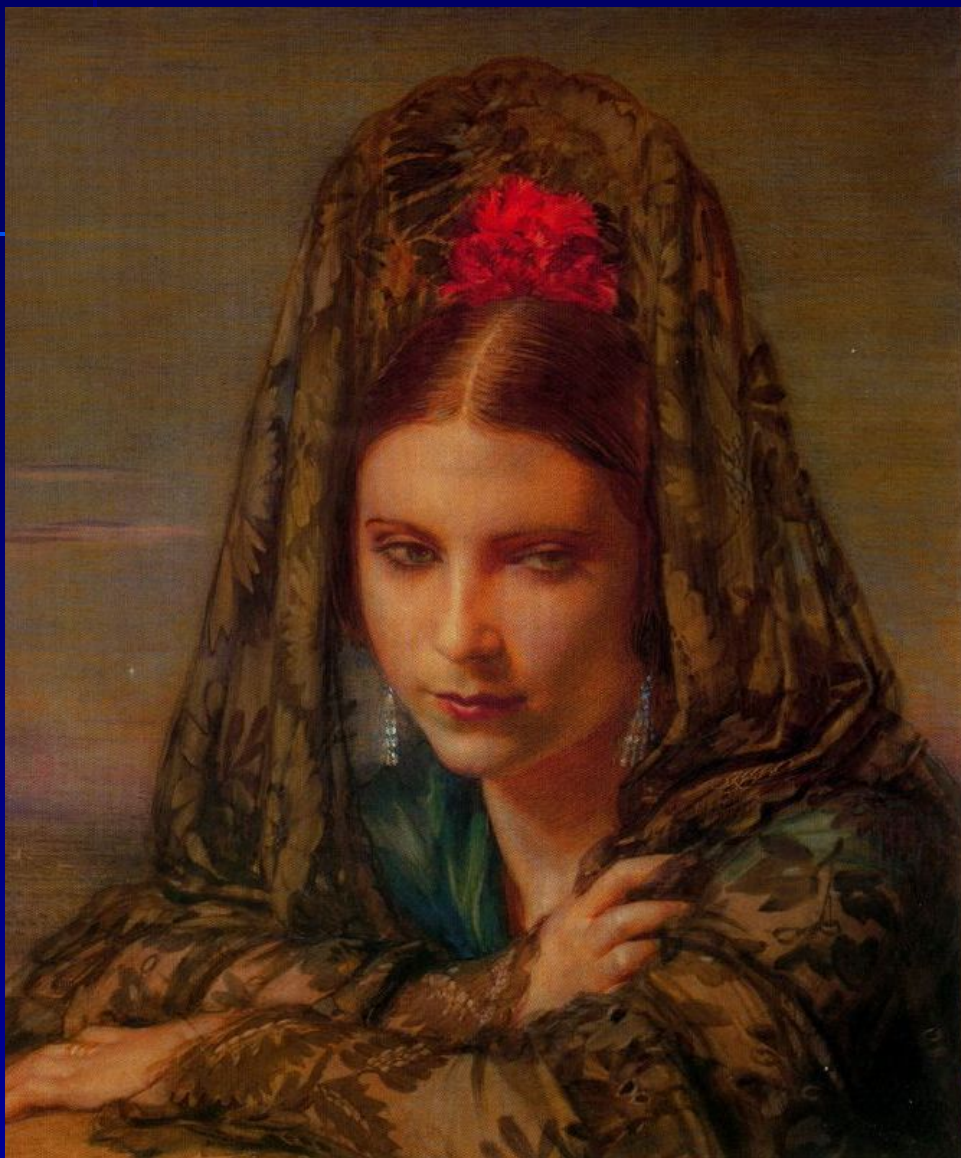
Старик:

**Послушай: расскажу тебе
Я повесть о самом себе.**

**Давно, давно, когда Дунаю
Не угрожал еще москаль —
(Вот видишь, я припоминаю,
Алеко, старую печаль)**

**Тогда боялись мы султана;
А правил Буджаком паша
С высоких башен Акермана**

**—
Я молод был; моя душа
В то время радостно кипела;
И ни одна в кудрях моих
Еще сединка не белела —
Между красавиц молодых
Одна была... и долго ею
Как солнцем любовался я
И наконец назвал моею...
Ах, быстро молодость моя
Звездой падучею мелькнула!
Но ты, пора любви, минула
Еще быстрее: только год
Меня любила Мариула.**

**Однажды близ Кагульских вод
Мы чуждый табор
повстречали;
Цыганы те — свои шатры
Разбив близ наших у горы
Две ночи вместе ночевали.
Они ушли на третью ночь, —
И, брося маленькую дочь,
Ушла за ними Мариула. —
Я мирно спал — заря блеснула,
Проснулся я, подруги нет!
Ищу, зову — пропал и след —
Тоскуя, плакала Земфира,
И я заплакал — с этих пор
Постыли мне все девы мира;
Меж ими никогда мой взор
Не выбирал себе подруги —
И одинокие досуги
Уже ни с кем я не делил.**

Алеко:

**Да как же ты не поспешил
Тот час во след неблагодарной
И хищникам и ей коварной
Кинжала в сердце не вонзил?**

Старик:

**К чему? вольнее птицы
младость;**

**Кто в силах удержать любовь?
Чредою всем дается радость;
Что было, то не будет вновь.**

Алеко:

**Я не таков. Нет, я не споря
От прав моих не откажусь!
Или хоть мщеньем наслажусь.
О нет! когда б над бездной моря
Нашел я спящего врага,
Клянусь, и тут моя нога
Не пощадила бы злодея;
Я в волны моря, не бледнея,
И беззащитного б толкнул;
Внезапный ужас пробужденья
Свирепым смехом упрекнул,
И долго мне его паденья
Смешон и сладок был бы гул.**

Молодой цыган: Еще одно... одно лобзанье...

Земфира: Пора: мой муж ревнив и зол.

Цыган: Одно... но доле!... на прощанье.

Земфира: Прощай, покамест не пришел.

Цыган: Скажи — когда ж опять свиданье?

Земфира: Сегодня, как зайдет луна,

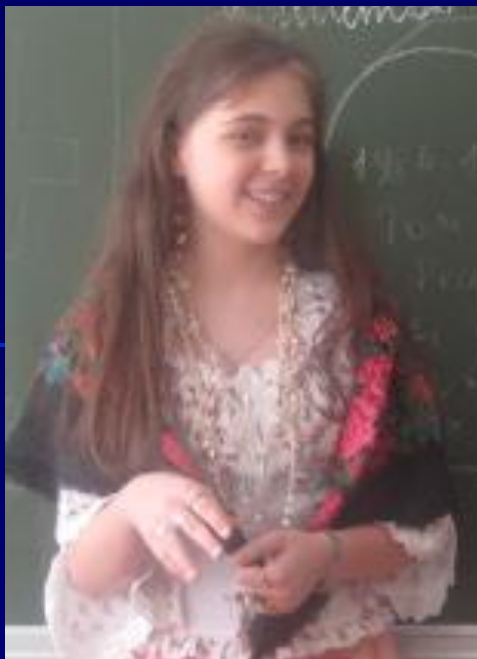
Там за курганом над могилой...

Цыган: Обманет! не придет она!

**Земфира: Вот он! беги!... Приду, мой
милый**

Алеко спит: в его уме
Виденье смутное играет;
Он с криком пробудясь во тьме,
Ревниво руку простирает;
Но оробелая рука
Покровы хладные хватает —
Его подруга далека...
Он с трепетом привстал и внемлет...
Всё тихо — страх его объемлет —
По нем текут и жар и хлад,
Встает он, из шатра выходит,
Вокруг телег ужасен бродит;
Спокойно всё; поля молчат;
Темно; луна зашла в туманы,
Чуть брезжит звезд неверный свет,
Чуть по росе приметный след
Ведет за дальные курганы:
Нетерпеливо он идет,
Куда зловещий след ведет.
Могила на краю дороги
Вдали белеет перед ним...
Туда слабеющие ноги
Влачит, предчувствием томим —
Дрожат уста, дрожат колени,
Идет... и вдруг..... иль это сон?
Вдруг видит близкие две тени
И близкой шепот слышит он
Над обесславленной могилой.

**2-й голос:
Как ты робко любишь.**

Минуту!

1-й голос:

Ты меня погубишь.

2-й голос:

Минуту!

1-й голос:

Если без меня

Проснется муж?..

1-й голос:

Пора...

2-й голос:

Постой.....

1-й голос:

Пора, мой милый.

2-й голос:

**Нет, нет, постой,
ждемся дня.**

1-й голос:

Уж поздно.

Алеко:
Проснулся я. Куда вы! не спешите
оба;
Вам хорошо и здесь у гроба.
Земфира:
Мой друг, беги, беги...

Алеко:

**Постой! Куда, красавец молодой?
Лежи.**

Земфира:

Алеко!

Цыган:

**Земфира:
Алеко, ты убьешь его!
Взгляни: ты весь обрызган кровью!
О что ты сделал?**

**Алеко:
Ничего. Теперь дыши его любовью.
Земфира.
Нет, полно, не боюсь тебя! —
Твои угрозы презираю,
Твое убийство проклиная...**

**Алеко:
Умри ж и
ты!**

**Земфира:
Умру любя...**

**Восток, денницей озаренный,
Сиял: Алеко за холмом,
С ножом в руках,
 окровавленный
Сидел на камне гробовом.
Два трупа перед ним лежали;
Убийца страшен был лицом.
Цыганы робко окружали
Его встревоженной толпой.
Могилу в стороне копали.
Шли жены скорбной чередой
И в очи мертвых целовали.
Старик-отец один сидел
И на погибшую глядел
В немом бездействии печали;
Подняли трупы, понесли
И в лоно хладное земли
Чету младую положили.**

**Алеко издали смотрел
На всё... когда же их закрыли
Последней горстию земной,
Он молча, медленно
склонился
И с камня на траву свалился.**

**Тогда старик, приблизясь, рек:
„Оставь нас, гордый человек.
Мы дики; нет у нас законов.
Мы не терзаем, не казним —
Не нужно крови нам и стонов —
Но жить с убийцей не хотим...
Ты не рожден для дикой доли,
Ты для себя лишь хочешь
воли;
Ужасен нам твой будет глас —
Мы робки и добры душою,
Ты зол и смел — оставь же нас,
Прости, да будет мир с тобою“.**

**Сказал — и шумною толпою
Поднялся табор кочевой
С долины страшного ночлега.
И скоро всё в дали степной
Сокрылось; лишь одна телега,
Убогим крытая ковром,
Стояла в поле роковом.
Так иногда перед зимою,
Туманной, утренней порою,
Когда подьёмлется с полей
Станица поздних журавлей
И с криком вдаль на юг несется,
Пронзенный гибельным
свинцом
Один печально остается,
Повиснув раненым крылом.
Настала ночь: в телеге темной
Огня никто не разложил,
Никто под крышею подъемной
До утра сном не опочил.**

ЭПИЛОГ

Волшебной силой песнопенья
В туманной памяти моей
Так оживляются виденья
То светлых, то печальных дней.
В стране, где долго, долго
брани
Ужасный гул не умолкал,
Где повелительные грани
Стамбулу русской указал,
Где старый наш орел
двуглавый
Еще шумит минувшей славой,
Встречал я посреди степей
Над рубежами древних станов
Телеги мирные цыганов,
Смиренной вольности детей.
За их ленивыми толпами
В пустынях часто я бродил,
Простую пищу их делил
И засыпал пред их огнями.
В походах медленных любил
Их песен радостные гулы —
И долго милой Мариулы

**Но счастья нет и между вами,
Природы бедные сыны!...**

**И под издранными шатрами
Живут мучительные сны.
И ваши сени кочевые
В пустынях не спаслись от
бед,
И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет.**

Спасибо всем,

кто участвовал в постановках!

Спасибо всем,

кто смотрел внимательно!